

Историк стремится к «единообразной и общепринятой терминологии»⁶. Если ослабевает внимание к терминам, растет барьер непонимания⁷. «Термин в идеале должен быть однозначным, систематичным, стилистически нейтральным»⁸. Марк Блок, которого интересовали вопросы исторической терминологии⁹, подчеркивал, что проблема классификации неотделима от важнейшей проблемы терминологии. Добиться жизнеспособности той или иной терминологической системы можно в первую очередь ее упорядоченностью и последовательностью соотношения содержания и выражения¹⁰.

Хотя терминология «исторически изменчива»¹¹, всякому языку присущ традиционализм¹². Так, например, современная дипломатическая терминология восходит к письменным источникам XI—XII вв.¹³ Вследствие этого было бы ошибочным, по справедливому замечанию Г. Г. Литаврина, как исходить только из этимологии слова, так и совершенно игнорировать ее¹⁴.

Византийской терминологии были свойственны «чрезвычайно сильно выраженная традиционность»¹⁵, исключительное разнообразие форм¹⁶, нечеткость¹⁷ (полисемия¹⁸, употребление в широком и узком значении¹⁹), противоречивость²⁰, вытеснение со временем одного термина другим²¹, взаимозаменяемость терминов²², отмирание и исчезновение терминологии²³.

Однако Г. Г. Литаврин совершенно правильно подчеркнул, что подобные заключения верны «применительно лишь к каждому конкретному случаю»²⁴ (речь, правда, шла только об этнической терминологии).

Терминологический подход, адептами которого выступили Ф. И. Успенский²⁵ и его последователи²⁶, себя не оправдал. В историографии утвердилось мнение о необходимости изучения реальных взаимоотношений, скрытых под терминологической оболочкой²⁷.

Чрезвычайное разнообразие византийской крестьянской терминологии было «вряд ли случайным», свидетельствуя о многообразии форм вовлечения крестьян в парикию²⁸. Анализируя терминологию для обозначения валашского феодально-зависимого крестьянства XIV—XVI вв., Шт. Штеффенеску фиксирует в ней строгую зависимость между изменением значения различных терминов и социальным статусом сельских трудящихся²⁹. Эта зависимость объясняется тем, что в связи с эволюцией валашского феодального общества, с упрощением социальной структуры происходит унификация терминологии³⁰. Подобный вывод невозможно распространить на византийскую крестьянскую терминологию XIII—XV вв., так же как вряд ли следует согласиться с заключением о том, что зависимые крестьяне в поздневизантийское время стали «сравнительно однородной категорией»³¹.

Для обозначения трудового земледельческого населения поздневизантийский актовый материал использовал несколько сот терминов³², смысл значительной части которых до конца еще не выяснен³³. Одним из самых загадочных среди них является термин «проскафимены». Относительно его сущности в научной литературе, по словам специалистов, возникли наибольшие разногласия³⁴.

Одна группа исследователей (Б. А. Панченко, иеромонах Михаил, Г. А. Острогорский, Б. Т. Горянов, Д. Ангелов³⁵) видит в париках и проскафименах две различные категории населения. Другая группа не находит здесь различий и приравнивает проскафименов к парикам (И. И. Соколов, Ф. Дэльгер, Г. Г. Литаврин, К. В. Хвостова, К. А. Осипова³⁶).

Взаимоисключающие точки зрения существуют и по вопросу о том, были ли проскафимены наделены землей. К безземельным их относили Д. Ангелов и Б. Т. Горянов³⁷. Противоположную точку зрения, а именно что проскафимены наделяются землей на условиях *precaria data*, отстаивают Г. Г. Литаврин³⁸ и в последнее время Д. Ангелов³⁹. Вместе с тем Б. А. Панченко и М. М. Фрейденберг считают, что проскафимены только